

УДК 903.1 903.02 903.23

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.4.244.265>

МОГИЛЬНИКИ И ОДИНОЧНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БАСЕЙНА БЕЛОГО МОРЯ (ЭНЕОЛИТ – ЭПОХА БРОНЗЫ)

© 2023 г. А.М. Жульников

В статье представлены результаты изучения материалов погребений энеолита - эпохи бронзы бассейна Белого моря и примыкающих к нему регионов. Анализ собранных сведений впервые позволил выявить изменения в составе погребального инвентаря и в пространственной структуре могильников древних охотников и рыбаков, проживавших на территории Прибеломорья в IV – II тысячелетиях до н. э. Результаты исследования позволяют судить о локальных и хронологических особенностях погребального обряда древнего населения региона, направлениях и характере его связей, могут служить основой для реконструкции мировоззрения первобытных людей. Хронология могильников установлена в основном путем выявления аналогий в инвентаре захоронений и поселенческих комплексов, датированных на основании радиоуглеродных данных и анализа высотного расположения памятников археологии над уровнем моря (Западное Прибеломорье и Кольский полуостров). В статье также публикуются материалы пяти погребальных комплексов, исследованных в юго-западной части бассейна Белого моря.

Ключевые слова: археология, энеолит, эпоха бронзы, Белое море, могильник, каменный инвентарь, украшения из янтаря.

BURIAL GROUNDS AND SOLITARY BURIALS OF THE ANCIENT POPULATION IN THE WHITE SEA BASIN (ENEOLITHIC – BRONZE AGE)

A.M. Zhul'nikov

The article presents the results of studying of materials from the burials of the Eneolithic – Bronze Age in the White Sea basin and adjacent regions. An analysis of received data made it possible to identify for the first time changes in the composition of the burial goods and the spatial structure of the burial grounds of ancient hunters and fishermen who lived in the White Sea region in the IV – II millennium BC. The results of the study make it possible to judge the local and chronological features of the burial rite of the ancient population in the region, the directions and nature of its relationship and can serve as the basis for reconstructing the worldview of prehistoric people. The chronology of the burial grounds has been established mainly by identifying analogies in the burial goods and settlement complexes, dated on the basis of radiocarbon data and analysis of the altitudinal location of archaeological sites above sea level (Western White Sea region and Kola Peninsula). The author also publishes materials from five burial complexes, studied in the southwestern part of the White Sea basin.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Bronze Age, White Sea, burial ground, stone inventory, amber jewelry.

Введение

Могильники энеолитического населения Северной Европы почти не содержат органических остатков, а иногда и совсем лишены погребального инвентаря. Тем не менее, подобные рудиментарные материалы являются зачастую единственным источником, позволяющим нам реконструировать некоторые элементы погребальных ритуалов и представлений о «мире мертвых» первобытных охотников и рыбаков.

Основная цель настоящего исследования

– получение сведений о динамике изменений в пространственной структуре и инвентаре могильников энеолита – эпохи бронзы, исследованных на территории бассейна Белого моря и ряда сопредельных областей (далее – регион исследований).

Среди основных задач исследования можно выделить следующие направления:

– изучение архивных источников для выявления сведений о могильниках или одиночных погребениях, оставшихся по разным причинам вне поля зрения исследователей;

– уточнение данных о хронологии могильников, опираясь на сопоставление их инвентаря с материалами поселений, надежно датированных на основании радиоуглеродных определений и графиков высотной датировки древних морских террас;

– изучение количественных и качественных показателей, позволяющих установить изменения в составе и типах погребального инвентаря;

– выявление возможных причин изменений в пространственной структуре и инвентаре могильников путем сопоставления полученных данных с имеющимися сведениями о социокультурных процессах, происходивших в древности на территории региона.

Большая часть материалов могильников и одиночных погребений, изученных раскопками на территории региона исследований, на данный момент опубликована. Среди имеющихся публикаций особо следует отметить коллективную монографию, представляющую результаты комплексных исследований Кольского Оленеостровского могильника (далее – КОМ) эпохи бронзы (Колпаков и др., 2019). В отношении ряда могильников (Коштомуш I, Вёкса I) в археологической литературе имеются очень краткие сведения (Титов, 1968; Недомолкина, Никитинский, 1996; Недомолкина, 2017). В некоторых публикациях материалов раскопок поселений Прибеломорья содержится информация о выявлении на них объектов неясного предназначения, которые по своим признакам вполне могут быть отнесены к погребальным сооружениям (каменная кладка с кремневым наконечником в раскопе 1964 года на стоянке Залавруга II; охристая линза с находками, в том числе янтарной пуговицей-нашивкой и белемнитом на стоянке Соловецкая-13 (Савватеев, 1977, с. 180; Мартынов, 2022, с. 199-213). Гендерная принадлежность костных останков на настоящий момент установлена только для КОМ, изделия из кости обнаружены всего в двух могильниках, что не позволяет рассмотреть целый ряд аспектов, связанных с особенностями погребального инвентаря.

Для восполнения имеющихся в археологической литературе пробелов по погребальным памятникам Прибеломорья в данной статье публикуются материалы четырех погребений (Золотец XXXIX, Залавруга II (валунная кладка 2), Соловецкая-13, Сумозеро XV) и могиль-

ника Коштомуш I (рис. 2–6).

В исследовании, для сравнительного анализа имеющихся источников, использованы сведения о могильниках, раскопанных на территории Финляндии, Верхнего Поволжья, бассейна реки Мсты, по которым имеется ряд обобщающих публикаций (Ahola, 2019; Зимина, 1993; Костылева, Уткин, 2010). Энеолитические погребения, материалы которых пока не введены в научный оборот, в настоящем исследовании не рассматриваются.

Общие сведения о могильниках

В бассейне Белого моря и сопредельных регионах, включающих север Кольского полуострова, восточную часть бассейна Балтийского моря и север Верхневолжского бассейна известно 28 могильников и одиночных погребений, датируемых от конца V до второй половины II тыс. до н. э. (рис. 1). Краткие сведения об этих погребальных памятниках представлены в таблице 1.

Одной из важнейших проблем, связанных с изучением древних могильников, является трудность установления их хронологии. Наряду с определением возраста захоронения по обнаруженному в нем погребальному инвентарю, датировка могильника нередко основывается на изучении стратиграфических данных, в том числе о находках случайно попавших в засыпку погребения. При определении возраста погребений по артефактам из заполнения могильной ямы, автор руководствовался принципом, что захоронение не может быть древнее самой поздней находки, попавшей в него из культурного слоя поселения. Например, П.Э. Песонен на стоянке Нива XII обнаружены могильные ямы, в двух из которых собраны фрагменты одного сосуда типа Сяр 1, что дало основание датировать могильник раннеэнеолитическим временем (Песонен, 1980). Однако, в нижней части заполнения одной из могильных ям на Ниве XII найдена керамическая цилиндрическая пронизка (напоминающая по форме и цвету украшение из янтаря). Подобные украшения обнаружены на двух соседних стоянках, по высотным данным и составу находок относящихся к энеолиту. Этот факт позволил автору данной статьи отнести группу захоронений на стоянке Нива XII к энеолиту.

В одной из охристых линз, маркирующих захоронения на стоянке-могильнике Кошто-

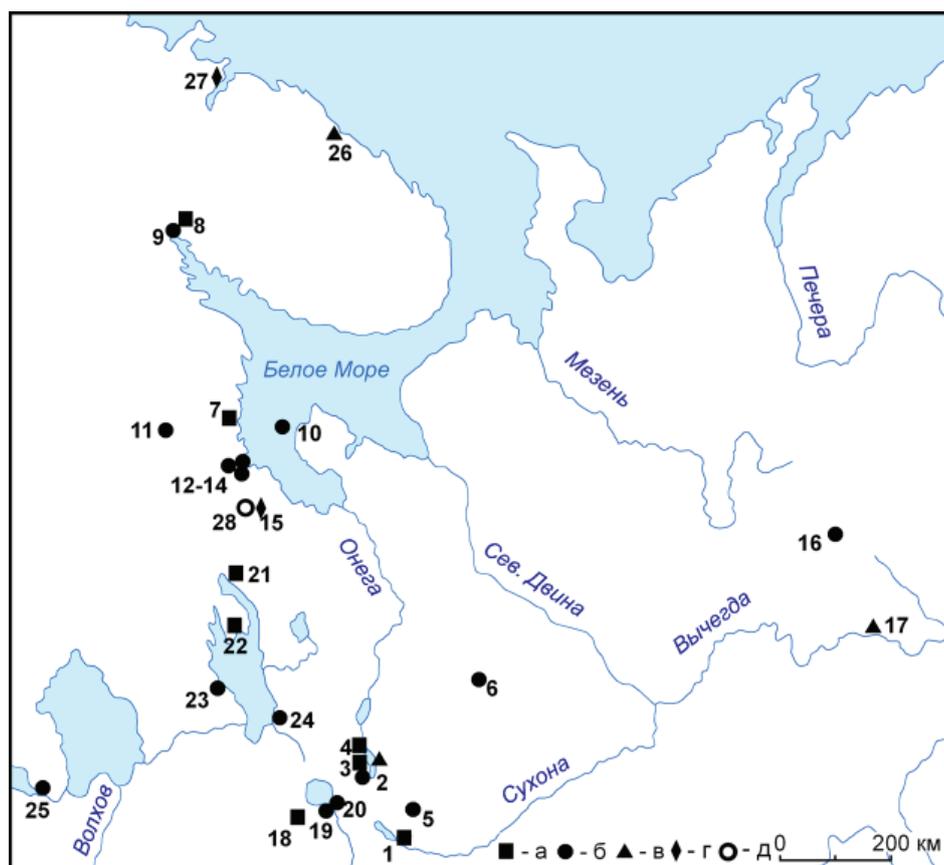

Рис. 1. Карта могильников финала неолита – бронзы в бассейне Белого моря и сопредельных регионах: а – могильники финала неолита – раннего энеолита; б – энеолитические могильники; в – могильники финала энеолита – начала эпохи бронзы; г – могильники эпохи бронзы; д – ритуальный «клад» (разрушенное погребение?): 1 – Вёкса 1; 2 – Модлона; 3 – Каравайха; 4 – Бревенный; 5 – Боровиково; 6 – Ильинский Остров; 7 – Путкинская I; 8 – Нива X; 9 – Нива XII; 10 – Соловецкая-13; 11 – Коштомуш I; 12 – Залавруга I; 13 – Залавруга II; 14 – Золотец XXXIX; 15 – Сумозеро XV; 16 – Вис II; 17 – Ульяновское погребение; 18 – Андозеро 2; 19 – Каргулино (Крохинские Пески); 20 – Белоозеро; 21 – Сандермоха; 22 – Букольников 1; 23 – Деревянное XI; 24 – Тудозеро VI; 25 – Охта 1; 26 – Песконец; 27 – Кольский Оленеостровский могильник; 28 – Видостров IV (разрушенное погребение?).

Fig. 1. Map of burial grounds of the Final Neolithic – Bronze Age in the White Sea basin and adjacent regions: а – burial grounds of the Final Neolithic – Early Eneolithic; б – Eneolithic burial grounds; в – burial grounds of the Final Eneolithic – the beginning of the Bronze Age; г – burial grounds of the Bronze Age; д – ritual "hoard" (destroyed burial?): 1 – Vyoksa 1; 2 – Modlona; 3 – Karavaikha; 4 – Brevenniy; 5 – Borovikovo; 6 – Pyinskiy Ostrov; 7 – Putkinskaya I; 8 – Niva X; 9 – Niva XII; 10 – Solovetskaya-13; 11 – Koshtomush I; 12 – Zalavruga I; 13 – Zalavruga II; 14 – Zolotets XXXIX; 15 – Sumozero XV; 16 – Vis II; 17 – Ulyanovsk burial; 18 – Andozero 2; 19 – Kargulino (Krokhinskiye Peski); 20 – Beloozero; 21 – Sandermokha; 22 – Bukolnikov 1; 23 – Derevyannoye XI; 24 – Tudozero VI; 25 – Okhta 1; 26 – Peskonets; 27 – Kola Oleneostrovsky burial ground; 28 – Vidostrov IV (destroyed burial?).

муш I, Ю.В. Титовым найдены мелкие фрагменты асбестовой керамики типа Палайгуба (номер этого погребения в полевом отчете не указан). По мнению исследователя, фрагменты керамики могли попасть в засыпку могильной ямы из культурного слоя соседней стоянки (Титов, 1968). Отмечу, что «пятно» иных находок асбестовой керамики на Коштомуше I располагается на удалении от погребений (рис. 2). С учетом наличия фрагментов керамической посуды в некоторых захороне-

ниях КОМ (Колпаков и др., 2019), находку керамики в могильной яме на Коштомуше I, видимо, следует отнести к разряду погребального инвентаря. По керамике типа Палайгуба могильник Коштомуш I может быть отнесен к финалу энеолита – началу эпохи бронзы.

На стоянке Залавруга II под могильной кладкой из валунов 1 (погребальное сооружение 1) (рис. 3) найдены фрагменты ромбоямочной и гребенчато-ямочной пористой керамики, что ограничивает возраст погребения – оно не

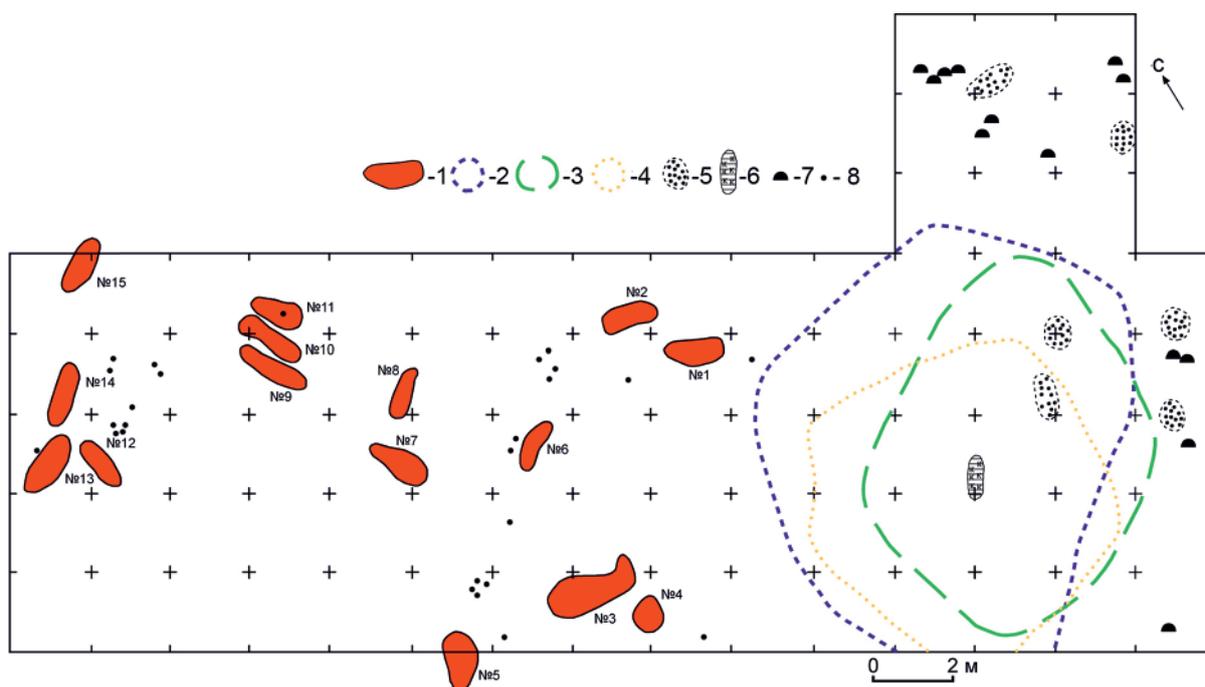

Рис. 2. План расположения погребений на стоянке-могильнике Коштомуш I.

1 – погребение; 2 – граница массовых находок скребков вокруг кострища; 3 – граница находок абразивов; 4 – граница находок фрагментов асбестовой керамики; 5 – скопление кварцевых осколков и отщепов; 6 – кострище (пятно находок кальцинированных косточек); 7 – скребок (за пределами скопления скребков вокруг кострища); 8 – кварцевые отщепы и осколки, найденные на территории могильника (вне стоянки).

Fig. 2. Location of burials at the burial site Koshtomush I. 1 – burial; 2 – boundary of mass finds of scrapers around the fireplace; 3 – boundary of finds of abrasives; 4 – boundary of finds of fragments of asbestos ceramics; 5 – set of quartz debris and flakes; 6 – fireplace (spot of calcified bones findings); 7 – scraper (outside of the set of scrapers around the fireplace); 8 – quartz flakes and debris found on the territory of the burial ground (outside of the site).

могло появиться ранее середины IV тыс. до н. э. Фрагмент сосуда с ямочно-гребенчатой орнаментацией, найденный в засыпке одной из могил на Вёксе 1, по-видимому, попал в нее из культурного слоя поселения (Недомолкина, 2017). Подобные наблюдения сделаны исследователями и для других могильников, расположенных в пределах региона исследований.

Радиоуглеродные даты на данный момент имеются всего для четырех могильников энеолита - эпохи бронзы: КОМ, Боровиково, Охта 1, Букольников (Колпаков и др., 2019; Андрианова, 2019, с. 13; Гусенцова, Сорокин, 2012, с. 186; Мельников, 2022). Они получены в основном не по костным остаткам усопших, а по органике, связанной с контекстом захоронений (береста, остатки дерева, уголь, смола).

На основании выявленных различий в составе погребального инвентаря, с учетом полученных данных по его датировке, анализируемые могильники разделены на четыре хронологических группы. Первая группа,

состоящая из восьми могильников и одиночных погребений, соотносится с поселениями поздней фазы развития ямочно-гребенчатой керамики, в том числе ромбоямочной, которая датируется по данным радиоуглеродного анализа концом V – первой половиной IV тыс. до н. э. (Жульников, Тарасов, 2021). Вторая группа, состоящая из 14 могильников, наиболее многочисленна на территории региона исследований, она принадлежит населению с пористой и асбестовой керамикой (типы Войнаволоок, Оровнаволоок, Модлона; чойновтинский тип), датируется второй половиной IV - первой половиной III тыс. до н. э. Третья группа оставлена населением с керамикой типа Палайгуба и чирковской (фатьяноидной), датируемых в рамках второй половины III – первой половины II тыс. до н. э. (Жульников, 2022a). В четвертую группу включены КОМ и одиночное погребение на стоянке Сумозеро XV (рис. 6), В КОМ погребения по радиоуглероду датированы второй половиной II тыс. до н. э., в погребениях и на территории

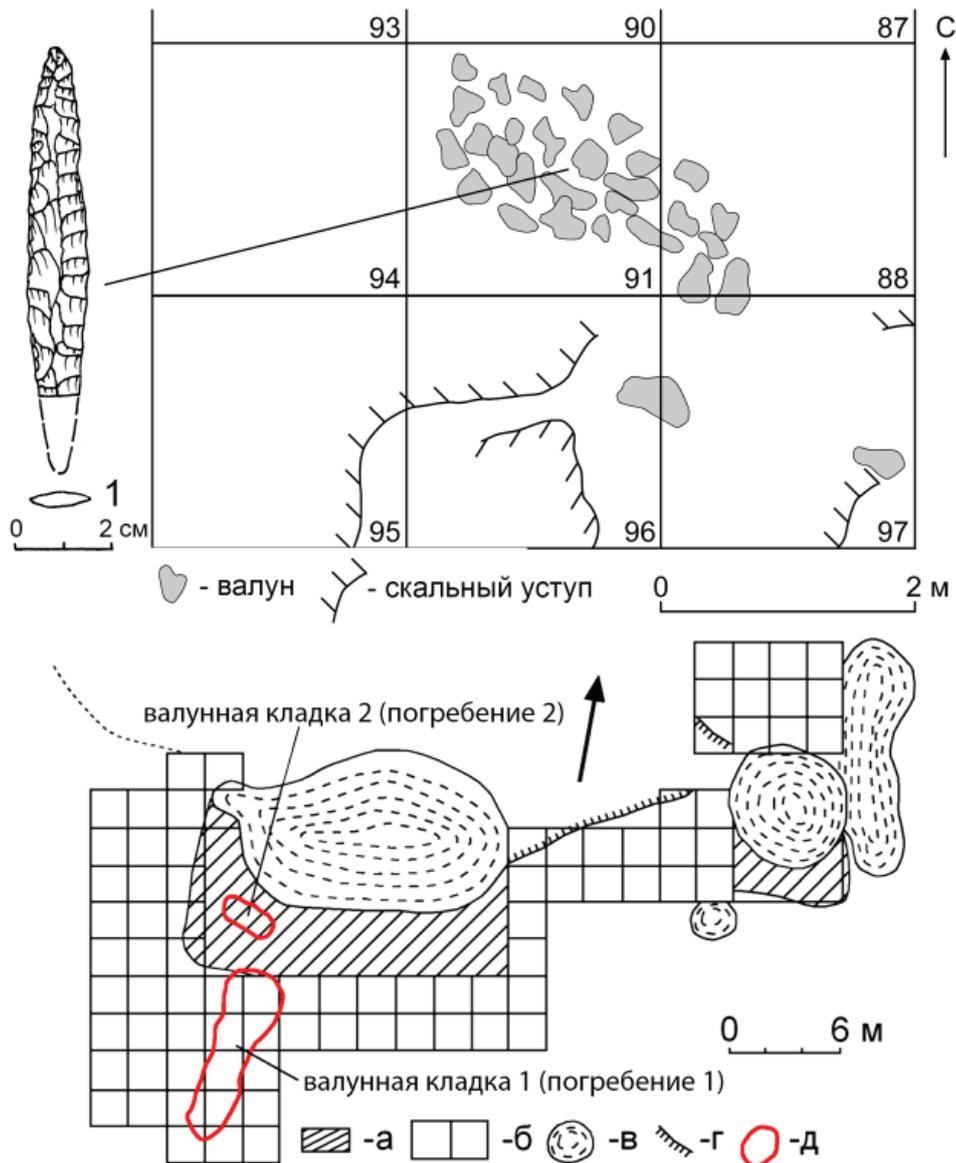

Рис. 3. План погребения 2 (валунная кладка 2) и раскопов на стоянке Залавруга II.

1 – кремневый наконечник стрелы из валунной кладки 2 (точное место его обнаружения в кладке не известно); а – раскопы 1964 г.; б – раскоп 1965 г.; в – грунт, сдвинутый строителями ГЭС; г – скальный уступ;

д – погребальные сооружения (валунные кладки).

Fig. 3. Plan of burial 2 (boulder masonry 2) and excavations on the Zalavrug II site. 1 – flint arrowhead from boulder masonry 2 (the exact location of its discovery in the masonry is not known): а – 1964 excavations; б – 1965 excavation; в – ground displaced by the builders of the hydroelectric power station; г – rock ledge; д – burial structures (boulder masonry).

могильника обнаружены фрагменты сосудов, относящихся к типам Ловозеро и имитированной текстильной (ложнотекстильной) керамики с примесью асбеста (Колпаков и др., 2019). Погребение на Сумозеро XV соотносится с сетчатой керамикой, имеющей признаки влияния лебяжской.

В состав предполагаемых погребальных объектов включен «ритуальный клад» Видостров IV, обнаруженный на небольшом острове, на завалуненном размывом участ-

ке берега оз. Сумозеро. «Клад» состоит из кварцитового навершия, сланцевого тесла русско-карельского типа, кремневого наконечника кинжала (дротика?) и четырех крупных кремневых отщепов того же цвета, что и кинжал (Жульников, 2005, с. 64–65) (рис. 9: 4; 10: 14, 15). Скорее всего, «клад» (погребальный инвентарь?) был помещен под валунной насыпью, которая была размыва при подъеме воды в озере в XX веке. В Прибеломорье имеются и иные примеры совершения погреб-

бений под валунными насыпями, в том числе раскопанных в тех местах, где характер грунта не позволял древним людям выкопать яму достаточной глубины (например, Залавруга II, валунные кладки № 1, 2 (рис. 3)).

Поздняя группа разрушенных вспашкой захоронений, по А.Я. Брюсову «усиленно посыпанных охрой», на могильнике Каравайиха уверенно соотносится с многочисленной серией наконечников сейминского типа и листовидных с вогнутым или прямым основанием (Брюсов, 1961, с. 112, 141, 151), так как на территории памятника, по моим данным, нет поселенческих фрагментов керамической посуды, синхронной этим типам метательного вооружения.

Особенности топографии и пространственная структура могильников

Более трети от общего числа памятников с захоронениями составляют одиночные могилы. Пять пар захоронений, расположенных параллельно друг другу, зафиксировано в четырех могильниках (Нива XII (погребения 1–2 и 3–4), Тудозеро VI (погребения 9–10), Охта I, Вис II). Погребения 9–10 в могильнике Тудозеро VI находились в одной яме, в остальных случаях могильные ямы отдельные.

Группы примерно одинаково ориентированных погребений, иногда образующих ряды, имеются в могильниках Бревенный, Букольников I, Коштомуш I, Боровиково, Тудозеро VI (могилы 1–8), в КОМ и, видимо, на Залавруге II.

Захоронения из отдельных черепов (без костяка) обнаружены на Вёксе I (две расположенные рядом могильные ямы, содержащие в каждой по пять черепов) (Недомолкина, Никитинский, 1996). На Модлоне А.Я. Брюсовым найден женский череп, насаженный на деревянный кол, рядом находились фрагменты от другого черепа. М.М. Герасимовым по черепу с Модлоны выполнена реконструкция облика женщины (Брюсов, 1951, рис. 14). В культурном слое Модлоны собраны части и от других черепов (Брюсов, 1951, с. 45–46). Замечу, что захоронения с черепами (без костяков) – достаточно необычный для лесной полосы Восточной Европы погребальный ритуал, требующий отдельного рассмотрения.

В могильнике Вёкса I, помимо двух могил с черепами, выявлена группа из 13 расположенных вплотную друг к другу могильных ям, содержащих остатки 18–20 усопших (целые

костяки и отдельные черепа, иногда помещенные в одну могильную яму) (Недомолкина, 2017). Такая высокая плотность размещения захоронений в могильнике зафиксировано только на Вёксе I.

Вне поселений, видимо, на значительном удалении от них, расположено 12 могильников. Остальная их часть, особенно одиночные захоронения, находилась на территории синхронных им поселений или в непосредственной близости от них. На Сумозеро XV максимальное удаление погребения от исследованных на поселении остатков наземных зимних жилищ с сетчатой керамикой составляет 22 м. На почти полностью раскопанном поселении Ильинский Остров рядом (1–18 м) с энеолитическим погребением выявлены остатки четырех полуземляночных жилищ с пористой и асбестовой керамикой. Минимум одно из этих жилищ, вероятно, синхронно захоронению.

Крупные некрополи, видимо, обычно были отделены от синхронных поселений определенными топографическими рубежами: водой (Тудозеро VI, КОМ), болотистой низиной и, видимо, водой (Каравайиха), скалой (Залавруга II), склонами дюнной возвышенности (Каргулино).

Для поиска закономерностей в ориентировке могильных ям относительно тех или иных топографических ориентиров проведено сопоставление могильников, расположенных в разной ландшафтной ситуации. Так, на Тудозеро VI могильные ямы размещены длинной осью перпендикулярно кромкам берега озера и крутого берегового склона, которые хорошо видны с места захоронения. В некоторых иных случаях могильные ямы ориентированы вдоль склона возвышенности (КОМ), параллельно крутому берегу водоема или кромке береговой террасы (Боровиково, Ульяновское погребение, Деревянное XI).

Совершенно иная ситуация наблюдается в размещении захоронений в могильнике Коштомуш I, где исследовано несколько групп могильных ям, заметно отличающихся ориентировкой друг от друга по сторонам света (рис. 2). Могильник расположен неподалеку от озерного пролива, где из-за изрезанности береговой линии водоема и уплощенного рельефа не было четких топографических маркеров, которые могли бы однозначно повлиять на ориентировку погребений. Такие

Таблица 1. Могильники и одиночные погребения бассейна Белого моря и сопредельных регионов

Table 1. Burial grounds and solitary burials in the White Sea basin and adjacent regions

№ п/п	Наименование	Кол-во погр.	Кол-во погр. с инвентарем	Валуны над погр. или рядом	Антроп. материал (К, Ч, З)	Публикация	Исследователь, годы полевых исследований
Хронологическая группа 1 (конец V – первая половина IV тыс. до н. э.)							
1	Нива X	1	1	-	З	Песонен, 1977	Титов Ю.В., 1972-1973
2	Путкинская I	1+?	1+?	-	-	Жульников, 1999	Сборы строителей ГЭС на разрушенной части стоянки, 70-е годы XX века
3	Сандермоха (погребение 81 и др.)	1+?	1+?	-	-	Панкрушев, 1978, с. 59	Панкрушев Г.А., 1963
4	Букольников I	2 + 1?	2	-	К, Ч	Мельников, 2022	Мельников И.В., 2009
5	Бревенный	8	8	+	К	Ошибкина, 1978	Ошибкина С.В., 1968-1969
6	Караваиха (погребения второй группы по А.Я.Брюсову)	1+?	1	-	К	Брюсов, 1951, 1961; Уткин, Костылева, 2001	Брюсов А.Я. 1938-1939, 1946, 1951-1953
7	Андозеро 2	1	1	+	К	Ошибкина, 1978	Ошибкина С.В., 1975
8	Вёкса I	15	3	-	К, Ч	Недомолкина, Никитинский, 1996; Недомолкина, 2017	Никитинский И.Ф., 1993; Недомолкина Н.Г. 1994-1995.
Хронологическая группа 2 (вторая половина IV – первая половина III тыс. до н. э.)							
9	Нива XII	4	1	-	-	Песонен, 1980	Титов Ю.В., 1972
10	Соловецкая-13	1	1	-	-	Мартынов, 2022; эта статья	Мартынов А.Я., 2007
11	Залавруга I	1	-	-	-	Савватеев, 1977, с. 203	Савватеев Ю.А., 1962-1965, 1967
12	Залавруга II	2	2	+	-	Погребение 1 -Савватеев, 1977, с. 177-189; погребение 2 – эта статья	Савватеев Ю.А., 1964, 1965
131	Золотец XXXIX	1	1	-	-	Эта статья	Жульников А.М., 2022
4	Деревянное XI	1	1	-	-	Жульников, 2022	Жульников А.М., 2022
15	Тудозеро VI (группы погребений 1, 2)	10	10	-	-	Иванищев, 1996; Иванищева, 2022	Иванищев А.М., 1986-2005
16	Охта I	2	1 + 1?	+	К, З	Гусенцова, Сорокин, 2012; Гусенцова, 2022	Гусенцова Т.М., 2008-2009
17	Каргулино (Крохинские Пески)	1+?	1+?	-	-	Ошибкина, 1978; Недомолкина, 2022	Алексеева А.А., 1947; Ошибкина С.В., 1969
18	Белоозеро	1	1	-	-	Недомолкина, 2022, с. 49	Захаров С.Д., 1997
19	Модлона	Мин. 3	?	-	Ч	Брюсов, 1951, с. 45-46	Брюсов А.Я., 1938-1940, 1945-1946
20	Боровиково	6	-	+	-	Андрианова, Васильева, 2013; Андрианова, 2019	Андрианова Л.С., 2000-2002, 2005, 2013

21	Ильинский Остров	1	1	-	-	Козырева, 1971; Жульников, 2007	Козырева Р.В., 1967
22	Вис II	2	2	-	-	Карманов, 2020	Карманов В.Н., 2000
Хронологическая группа 3 (вторая половина III – первая половина II тыс. до н. э.)							
23	Коштомуш I	15	1+1?	-	-	Титов, 1968; эта статья	Титов Ю.В., 1966, 1967
24	Ульяновское погребение	1	1	-	-	Буров, 1965; Карманов, 2020	Буров Г.М, 1959
25	Песконец	1	1	+	3	Гурина, 1986	Гурина Н.Н., 1974
26	Караваиха (поздний могильник по А.Я.Брюсову)	+	+	-	К	Брюсов, 1951, 1961; Уткин, Костылева, 2001	Брюсов А.Я. 1938- 1939, 1946, 1951-1953
27	Видостров IV	1	+	?	-	Жульников, 2005	Лобанова Н.В., 1996
Хронологическая группа 4 (вторая половина II тыс. до н. э.)							
28	Кольский Олене-островский	32	32	+	К,Ч	Шмидт, 1930; Гурина, 1953; Колпаков и др., 2019	Шмидт А.В., 1928; Гурина Н.Н., 1948; Шумкин В.Я., 1998- 2004.
29	Сумозеро XV	1	1	+	Ч-?	Эта статья	Жульников А.М., 2004

К – костяк или отдельные кости, Ч – череп или его части, З – зубы, зубная эмаль

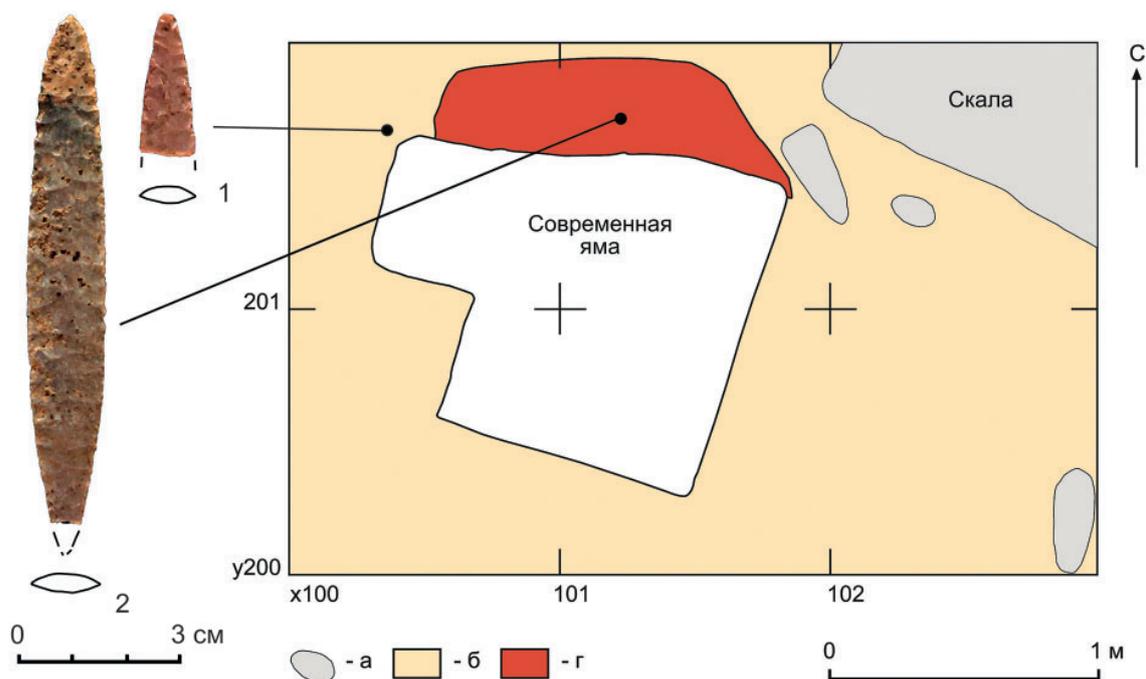

Рис. 4. План частично разрушенного погребения на стоянке Золотец XXXIX.

1 – обломок кремневого наконечника стрелы; 2 – кремневый наконечник стрелы.

а – валун; б – темно-желтый песок; г (в?) – охристый песок.

Fig. 4. Plan of a partially destroyed burial on the Zolotets XXXIX site. 1 – fragment of a flint arrowhead; 2 – flint arrowhead. а – boulder; б – dark yellow sand; г – ochre colour sand.

же группы довольно хаотично, на первый взгляд, расположенных могил имеются и в могильнике Караваиха, находящемся на почти не выраженном в рельефе возвышении, окруженном заболоченной низиной, на удалении от берега реки (Брюсов, 1961; Уткин, Косты-

лева, 2001).

В этой связи, можно предположить, что при отсутствии визуально хорошо выраженных ландшафтных рубежей, расположение в пространстве могильной ямы и усопшего могло определяться иными факторами (поло-

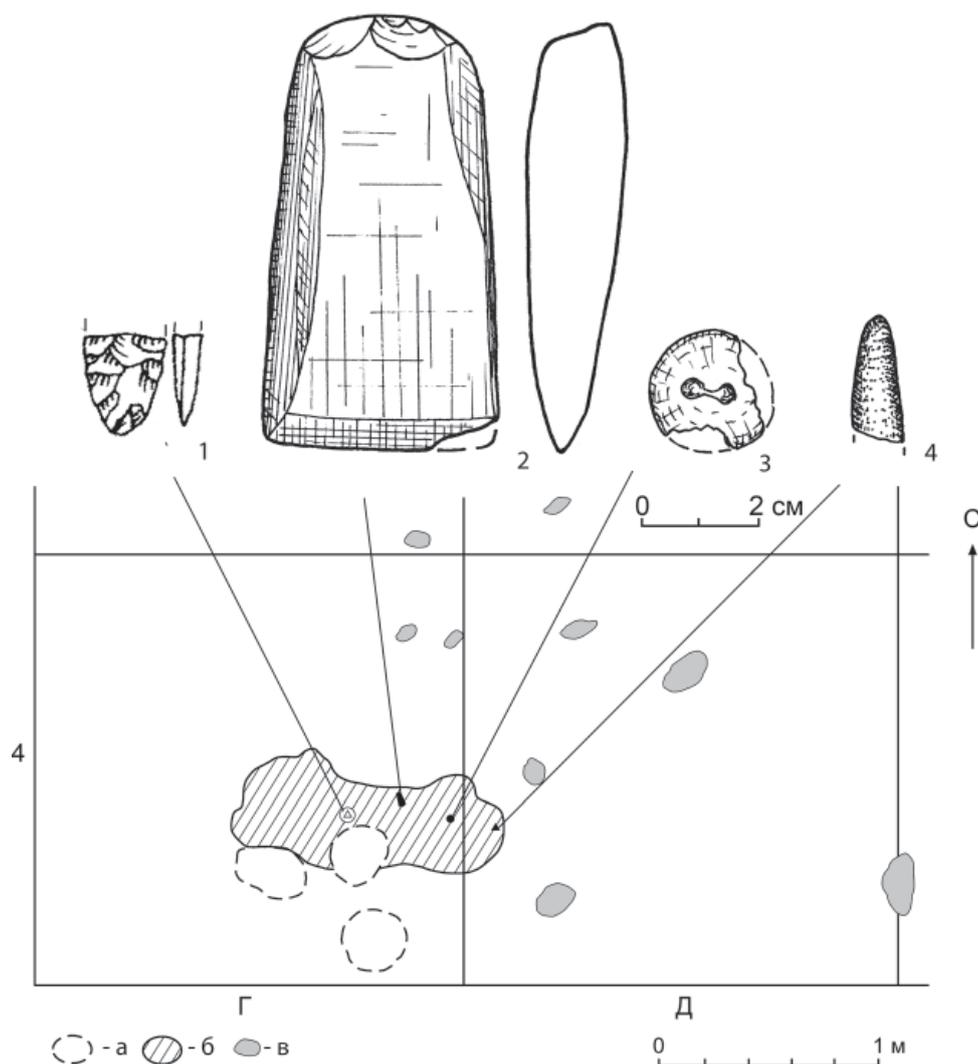

Рис. 5. Инвентарь и план погребения на стоянке Соловецкая-13.

1 – обломок кремневой заготовки наконечника; 2 – сланцевое тесло; 3 – янтарная пуговица-нашивка (обозначена на плане приблизительно полевой фотографией); 4 – белемнит.

Fig. 5. Inventory and burial plan on the Solovetskaya-13 site. 1 – fragment of a flint blank of the point; 2 – slate adze; 3 – amber applique button (indicated on the plan approximately according to a field photograph); 4 – belemnite.

жением небесных светил в момент захоронения и т. п.). В подобной ситуации насыпи или впадины от более ранних захоронений, видимо, становились на определенное время ориентирами, определявшими расположение новых могильных ям. Локально расположенные на территории могильника группы захоронений, состоящие из примерно одинаково ориентированных по сторонам света могил, могут свидетельствовать об их хронологической близости и, возможно, наличии родственной связи между усопшими.

Валуны над погребением, над группой погребений или рядом с ними зафиксированы в семи могильниках. На Боровиково крупные камни, в том числе шлифовальные

плиты располагаются вокруг охристых линз, маркирующих захоронения (Андрианова, 2019; Андрианова, Васильева, 2013). В КОМ имеется сразу три варианта использования валунов в погребальном обряде: захоронения с уложенными поверх камнями; могилы, рядом с которыми валуны образуют подобие оградки/оградок; захоронения с отдельными валунами, иногда довольно крупными (Колпаков и др., 2019).

Хронологические различия в составе и типах погребального инвентаря

Наиболее массовыми категориями изделий, обнаруженных в могильниках региона исследований, являются украшения из янтаря и сланца, орудия из кремня и сланца. Сведе-

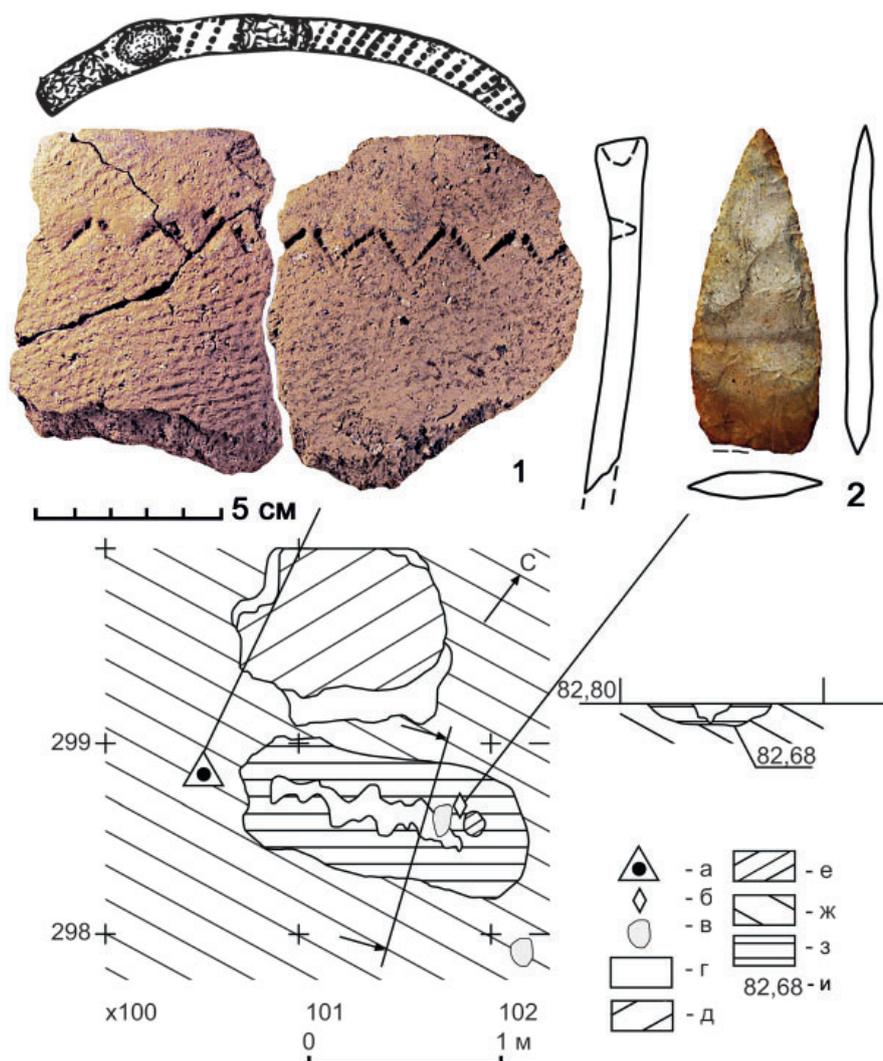

Рис. 6. Инвентарь, план и профиль погребения на стоянке Сумозеро XV.

1 – часть развала сосуда с сетчатым декором; 2 – кремневый наконечник дротика.

а – развал сетчатого сосуда; б – кремневый наконечник дротика; в – валун; г – подзолистый песок; д – темно-желтый песок; е – округлое пятно темно-желтого песка с серым оттенком (от черепа?); ж – светло-желтый песок; з – коричневый песок; и – высота над уровнем моря.

Fig. 6. Inventory, plan and profile of the burial on the Sumozero XV site. 1 – fragment of the broken vessel with a net decor; 2 – flint dart-head. а – broken vessel with net decor; б – flint dart-head; в - boulder; г – podzolic sand; д – dark yellow sand; е – rounded spot of dark yellow sand with a gray tint (from the skull?); ж – light yellow sand; з – brown sand; и – the height above sea level.

ния об их составе и основных типах представлены в таблицах 2, 3.

Для первой хронологической группы погребений характерно сочетание сланцевых и янтарных украшений (рис. 7: 20–37). Их число в захоронениях этой группы невелико, наиболее часто в них встречаются сланцевые кольца. Одна из подвесок, найденная на месте разрушенного погребения на Путкинской I, изготовлена из желтого яшмовидного камня (рис. 7: 31), возможно, является подражанием янтарным украшениям. Сланцевые кольца, обнаруженные в погребениях на территории

Вологодской области, имеют прямоугольное сечение (рис. 7: 35–37), в отличие от колец с овальным или уплощенно-овальным сечением, найденных в захоронениях Западного Прибеломорья (рис. 7: 32–34). Украшения из янтаря в погребениях первой группы отличаются массивностью (рис. 7: 20–25), подвески изготовлены из почти необработанных (неуплощенных) кусков янтаря (рис. 7: 22–24).

В погребениях второй группы каменные украшения отсутствуют, зато в изобилии представлены янтарные украшения прибалтийских типов. Среди янтарных украшений

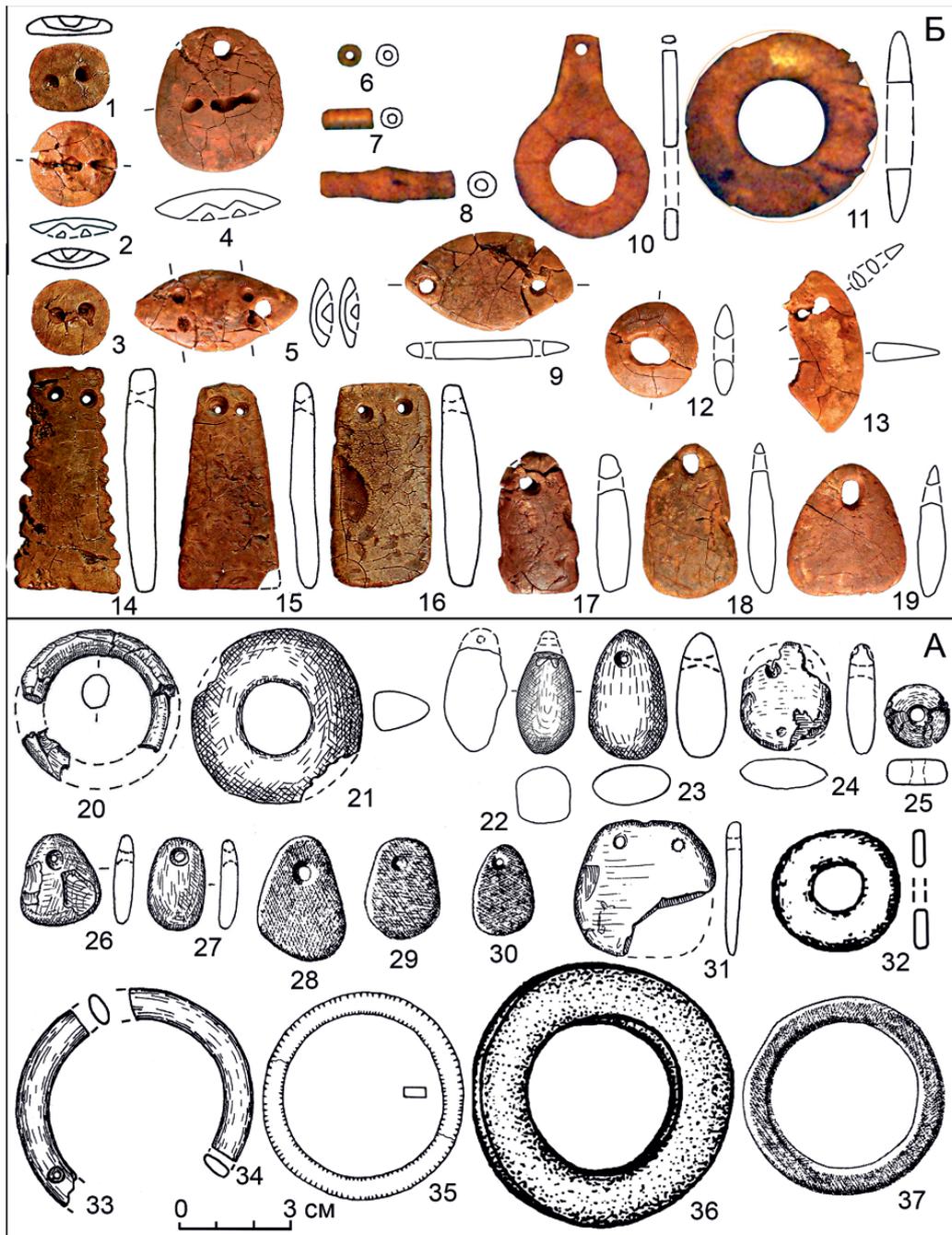

Рис. 7. Состав украшений в погребениях финала неолита – энеолита бассейна Белого моря и сопредельных регионов. А – погребения финала энеолита – раннего энеолита (конец V – первая половина IV тыс. до н. э.), Б – энеолитические погребения второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э.

1–25 – янтарь; 26–30, 32–37 – сланец; 31 – желтый яшмовидный камень. 1, 3, 14–16 – Залавруга II; 2, 4, 5, 9, 12, 13, 17–19 – Деревяннoе XI; 6–8, 10, 11 – Тудозерo VI; 20 – Букольников 1; 21–24, 31, 33, 34 – Путкинская I; 25 – Бревенный; 26, 27 – Букольников 1; 28–30, 37 – Андозерo 2; 32 – Нива X; 35 – Вёкса 1; 36 – Каравайка.

Fig. 7. The composition of decorations in the burials of the Final Neolithic – Eneolithic in the White Sea basin and adjacent regions. A – burials of the Final Eneolithic – Early Eneolithic (end of the V – first half of the IV millennium BC); Б – Eneolithic burials of the second half of the IV – first half of the III millennium BC. 1–25 – amber; 26–30, 32–37 – slate; 31 – yellow jasper stone. 1, 3, 14–16 – Zalavruga II; 2, 4, 5, 9, 12, 13, 17–19 – Derevyannoye XI; 6–8, 10, 11 – Tudozero VI; 20 – Bukolnikov 1; 21–24, 31, 33, 34 – Putkinskaya I; 25 – Brevennyi; 26–27 – Bukolnikov 1; 28–30, 37 – Andozero 2; 32 – Niva X; 35 – Vyoksa 1; 36 – Karavaikha.

наиболее многочисленны подвески и пуговицы-нашивки (рис. 7: 1–3, 14–19). В погребениях на Тудозеро VI (могилы 1–8) найдены пронизи и миниатюрные бусины-шайбы, крупные кольца с выступом или без него (рис. 7: 6–8, 10, 11). Погребение Деревянное XI выделяется наличием в нем серии янтарных украшений, отсутствующих в иных могильниках региона исследований: подвески-нашивки, линзовидные в плане пуговицы-нашивки, подвески из сломанных колец (рис. 7: 4, 5, 13). Можно предположить, что захоронения с обедненным составом янтарных украшений, среди которых нет колец (подвески – пуговицы-нашивки или одни пуговицы-нашивки), являются более поздними, чем погребения на Тудозеро VI (группа могил 1-8) и Деревянное XI.

В захоронениях второй половины III – II тыс. до н. э. янтарные и сланцевые украшения на территории региона исследований пока не найдены.

В конце неолита – раннем энеолите в Прибеломорье и в восточной части бассейна Балтийского моря в погребальном инвентаре почти повсеместно представлены кремневые наконечники стрел и дротиков. Эти изделия древнее население Восточной Фенноскандии получало путем обмена.

В начале энеолита наконечники стрел и копий обычно имеют укороченную листовидную (лавролистную) форму (рис. 8: 21–23), что особенно заметно, если сопоставить их пропорции со сходным по типу метательным вооружением, обнаруженным в захоронениях второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э. (рис. 8: 24–29). Кроме сильно удлиненных иволистных и листовидных наконечников, в погребениях второй группы встречаются листовидные наконечники со смещенным насадом, напоминающим черешок треугольной формы (рис. 8: 29–32).

В финале энеолита – начале эпохи бронзы основным типом метательного вооружения в захоронениях Прибеломорья и соседних регионов становится сейминский треугольно-черешковый тип наконечников стрел с иволистным, листовидным, треугольным пером, с хорошо или слабо выраженными шипами (рис. 8: 9–16), тогда как на поселениях Карелии и Кольского полуострова изделия подобной формы встречены лишь в единичных экземплярах. Наряду с сейминскими

наконечниками в погребениях третьей хронологической группы встречены сланцевые листовидные наконечники с черешком (рис. 8: 19, 20), листовидные кремневые наконечники с вогнутым и прямым основанием (рис. 8: 17), редкими типами являются наконечники с широким черешком, с прямым или вогнутым основанием (рис. 8: 18). Наконечники последнего типа на энеолитических памятниках Карелии не встречаются, их следует отнести к эпохе бронзы.

В эпоху бронзы, судя по материалам КОМ, листовидные наконечники в качестве погребального инвентаря не используются, хотя они иногда представлены на некоторых синхронных поселениях Прибеломорья. Основным типом каменного охотничьего вооружения в эпоху бронзы в Прибеломорье являются удлиненные листовидные наконечники с прямым или слегка вогнутым основанием (рис. 8: 1–2, 5–7). В КОМ часть подобных наконечников имеет ромбическое сечение, пильчатую ретушь (рис. 8: 1–2). Некоторые типы наконечников в КОМ единичны (рис. 8: 3, 8), а один из них служил острием не стрелы, а гарпуна (рис. 8: 4) (Колпаков и др., 2019, с. 66).

Изредка в погребениях региона исследований встречаются кремневые кинжалы (рис. 9). Лезвие энеолитических кинжалов (ножей-кинжалов) тонкое, напоминает сечение ножа или наконечника копья. Ось рукояти расположена под небольшим углом к лезвию, на ней имеются небольшие выемки (рис. 9: 1–3). Кинжалы финала энеолита – эпохи бронзы приобретают симметричную форму, сечение лезвия у них обычно ромбическое (рис. 9: 4–8). Подобное по форме сечения вооружение явно предназначено для нанесения колющих ударов.

В семи могильниках или одиночных захоронениях региона исследований обнаружены рубящие орудия и их заготовки из сланца или метатуфа (рис. 10: 3–5, 8–10, 12–14). Эта относительно малочисленная категория погребального каменного инвентаря представлена во всех четырех хронологических группах погребений, включает топоры, желобчатые долота, тесла, стамески, заготовки тесел. В качестве хронологического индикатора изменений в типах рубящих орудий можно выделить наличие тесел так называемого русско-карельского типа с трапецевидным сечением во второй и третьей хронологиче-

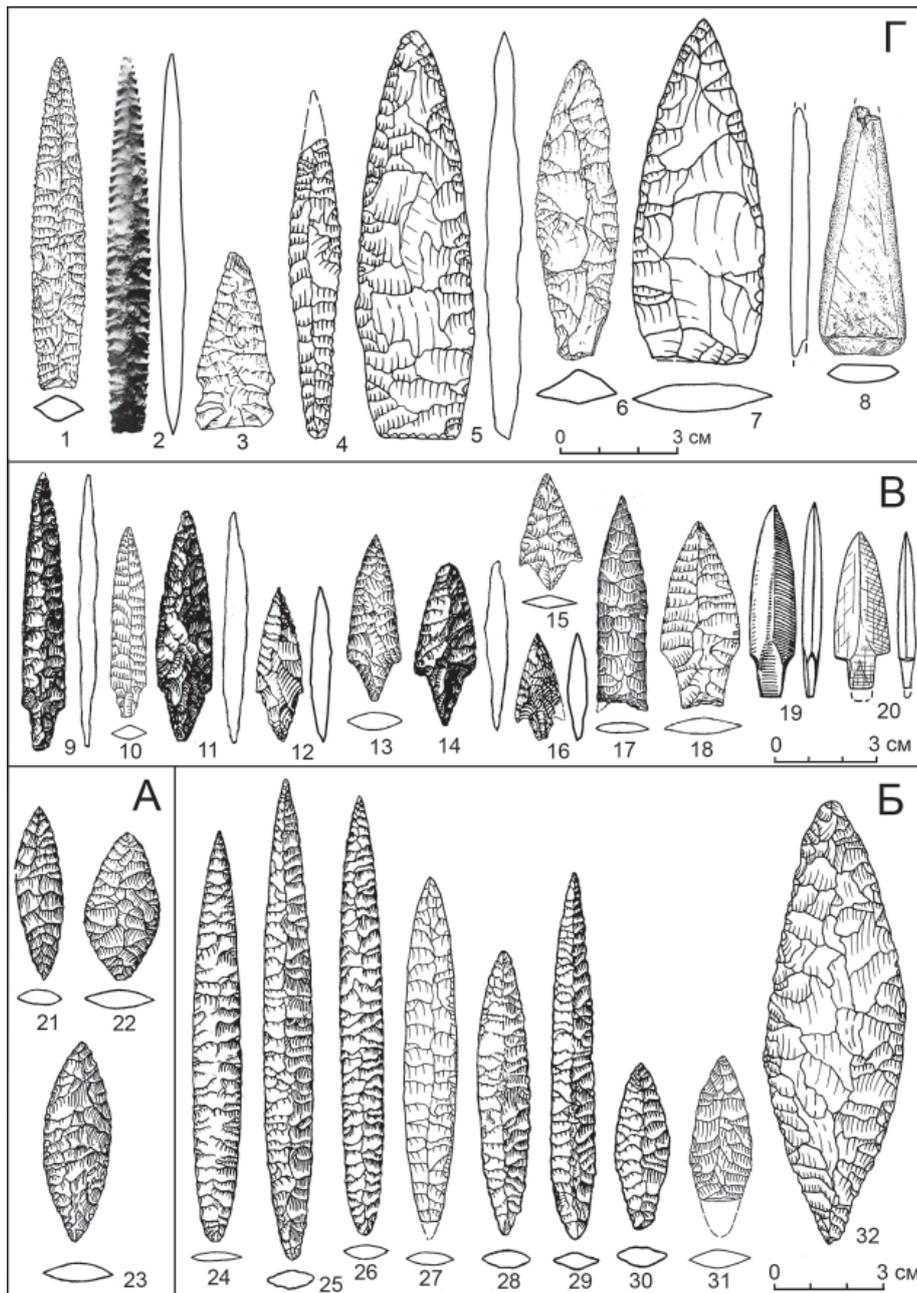

Рис. 8. Типы наконечников стрел и дротиков в погребениях финала неолита – эпохи бронзы бассейна Белого моря и сопредельных регионов. А – могильники конца V – первой половины IV тыс. до н. э.; Б – могильники второй половины IV – первой половины III тыс. до н. э.; В – могильники второй половины III – первой половины II тыс. до н. э.; Г – могильники второй половины II тыс. до н. э. 1–7, 9–18, 21–32 – кремь или кремнистая порода; 8, 19, 20 – сланец. 1–6, 8 – Кольский Оленеостровский могильник; 7 – Сумозеро XV; 9, 11, 14, 19 – Песконец; 10, 13, 15, 17, 18, 20 – Каравайха; 12, 16 – Ульяновское погребение; 21, 22 – Бревенный; 23 – Букольников 1; 24 – Ильинский Остров; 25, 28, 29, 30 – Залавруга II; 26 – Каргулино; 27 – Золотец XXXIX; 31 – Деревянное XI; 32 – Тудозеро VI.

Fig. 8. Types of arrowheads and dartheads in the burials of the Final Neolithic – Bronze Age in the White Sea basin and adjacent regions. А – burial grounds of the end of the V – the first half of the IV millennium BC; Б – burial grounds of the second half of the IV – the first half of the III millennium BC; В – burial grounds of the second half of the III – first half of the II millennium BC; Г – burial grounds of the second half of the II millennium BC. 1–7, 9–18, 21–32 – flint or silicified rock; 8, 19, 20 – slate. 1–6, 8 – Kola Oleneostrovsky burial ground; 7 – Sumozero XV; 9, 11, 14, 19 – Peskonets; 10, 13, 15, 17, 18, 20 – Karavaikha; 12, 16 – Ulyanovsk burial; 21, 22 – Brevennyi; 23 – Bukolnikov 1; 24 – Ilyinskyi Ostrov; 25, 28, 29, 30 – Zalavruga II; 26 – Kargulino; 27 – Zolotets XXXIX; 31 – Derevyannoye XI; 32 – Tudozero VI.

ских группах погребений (рис. 10: 13–14). Рубящие орудия эпохи бронзы, найденные в КОМ, отличаются от энеолитических менее тщательной шлифовкой, поэтому первичные сколы на них хорошо заметны (рис. 10: 3–5).

Среди ножей, изредка встречающихся в могильниках (рис. 10: 1–2, 6–7, 11, 16, 17), отмечу наличие в погребении Песконец двух угловых сланцевых ножей (рис. 10: 6, 7) и аналогичных по функции ножей (для снятия шкур) из сланцевых плиток в КОМ (рис. 10: 1). Подобные сланцевые ножи, найденные в захоронениях только северной части Кольского полуострова, свидетельствуют о наличии некоторых локальных особенностей в погребальном инвентаре региона исследований.

Следует обратить внимание на тот факт, что во многие энеолитические погребения помещены сломанные кремневые или сланцевые изделия (Ильинский Остров – части кремневых кинжалов и наконечники стрел со сломанным черешком; Букольников 1, Залавруга II, Золотец XXXIX, Соловецкая-13, Тудозеро VI – кремневые наконечники стрел и дротиков с отломанным насадом (рис. 4: 1, 2; 5: 1); Путкинская I – фрагменты сланцевых колец; Андозеро 2 – части сланцевых подвесок; Ульяновское погребение – кремневый сейминский наконечник, переделанный, как установлено В.Н. Кармановым, спустя некоторое время после его изготовления в одношипный, возможно, для использования в качестве погребального инвентаря (рис. 8: 16) (Карманов, 2020)). В некоторых захоронениях найдены каменные отщепы (Тудозеро VI, КОМ) или очень мелкие сколы и чешуйки из кремня и сланца, непригодные для изготовления орудий (Деревянное XI).

Как известно, обычай помещать сломанные изделия или их части в качестве погребального инвентаря – явление довольно распространенное в разных культурах мира. Это связано с представлениями древних людей о том, что в мире, куда попадают умершие, царят во многом иные законы. Судя по этнографическим наблюдениям, мир мертвых – это во многом перевернутый, «зеркальный» мир, где сломанные вещи или их части могут становиться целыми изделиями (Косарев, 2003, с. 149–150).

Единственный случай обнаружения керамики непосредственно в захоронении рубежа

неолита-энеолита – это миниатюрный сосуд с ямочно-гребенчатой орнаментацией в погребении 4 могильника Бревенный (Ошибкина, 1978, с. 60). В могильниках финала энеолита – бронзы находки фрагментов керамической посуды встречаются в захоронениях уже достаточно регулярно. Мелкие кусочки керамики и крупные обломки сосудов выявлены в шести погребениях КОМ. В Западном Прибеломорье, помимо уже упомянутой выше находки мелких фрагментов керамики в охристой линзе на Коштомуше I, у края могильной ямы на Сумозеро XV, обнаружен развал сетчатого сосуда, обладающего оригинальной формой торца венчика – с крупными овальными вдавлениями – единственная подобная находка на территории Карелии (рис. 6: 1).

В некоторых захоронениях финала неолита – раннего неолита отсутствует засыпка умерших охрой (Бревенный, Андозеро 2, видимо, некоторые погребения второй группы на Каравайхе). Во всех погребениях, датированных второй половиной IV – III тыс. до н. э., интенсивная посыпка охрой умерших является обязательным элементом погребального ритуала. В могильниках финала энеолита – эпохи бронзы охра в захоронениях уже не встречается (Ульяновское погребение, Сумозеро XV, КОМ) или отмечена в виде небольшого красноватого пятна (Песконец).

Обсуждение полученных данных и выводы

Каких-либо заметных хронологических изменений в характере расположения могильников относительно ландшафтных рубежей выявить не удалось.

В энеолите впервые на территории региона появляются могильники в виде ряда расположенных на некотором удалении друг от друга, одинаково ориентированных захоронений (Тудозеро VI, погребения 1–8, возможно, погребения под каменной кладкой 1 на Залавруге II), которые обычны для волосовских некрополей Верхнего Поволжья (Костылева, Уткин, 2010) и бассейна реки Мста (Зимица, 1993).

Преобладание среди могильников региона исследований одиночных или парных захоронений, обнаруженных, как правило, на территории стоянок древних людей, видимо, связано с тем, что именно поселения чаще всего становятся объектом археологических раскопок. Наличие на территории региона могиль-

10	Залавруга II	18+?	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	18+?
11	Золотец XXXIX	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
12	Ильинский Остров	22	-	-	-	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	25
13	Вис II	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
14	Деревянное XI	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	14	-	-	-	15
15	Тудозеро VI	2	3	-	-	1	-	-	-	-	-	-	5	1	-	-	12
16	Каргулино (Крохинские Пески)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
17	Песконец	8	-	6	-	2	2	-	-	-	-	-	-	2	-	-	20
18	Каравайха (поздние погребения)	64	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	64
19	Ульяновское погребение	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
20	Видостров IV	-	-	1	-	-	1	-	1	-	-	-	4	-	-	-	7
21	Сумозеро XV	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1
22	Кольский Оленеостровский	15	-	4	1	3	2	22	-	10	-	1	87	5	-	-	150
	Всего	145	5	20	5	8	10	24	1	10	2	1	110	10	11	7	369

1 – наконечники стрел, дротиков, их обломки из кремня, окремненной породы, сланца; 2 – заготовки наконечников, их обломки из кремня; 3 – рубящие орудия из метатуфа, сланца, кремня; 4 – заготовки рубящих орудий из метатуфа и сланца; 5 – ножи из кремня, лидита, сланца; 6 – кинжалы, ножи-кинжалы и их обломки из кремня и окремненных пород; 7 – скребки из кремня, кварца, сланца; 8 – навершие; 9 – абразивы: точильные, полировальные камни, абразивы с желобком; 10 – фигурные (?) кремни; 11 – молоток; 12 – отщепы, осколки кремня, кварца, сланца; 13 – иное изделие из камня (проколка, долотовидное или комбинированное орудие, штамп, челнок для сети и т. п.); 14 – подвеска из сланца или иного камня; 15 – кольцо из сланца.

ников энеолита – эпохи бронзы с многочисленными захоронениями, свидетельствует об упокоении большей части умерших в это время в некрополях.

В начале эпохи бронзы в Прибеломорье прекращается использование охры в погребальном ритуале, что является признаком, можно сказать, эпохальных изменений в погребальном ритуале древнего населения Северной Европы.

С финала неолита изделия из кремня, и особенно наконечники метательного вооружения, видимо, начинают играть особую, возможно, символическую роль в ритуале захоронения.

В погребальном инвентаре сразу нескольких могильников (Каргулино, Залавруга II, Золотец XXXIX, Ильинский Остров) представлены сходные по пропорциям удлиненные иволистные наконечники стрел (рис. 8: 24–29). Изредка обломки наконечников этого типа встречены при раскопках стоянок Юго-Западного Прибеломорья. Полоса находок обломков подобных наконечников протянулась от низовья реки Выг вдоль побережья Белого моря к устью Северной Двины.

Можно предположить, что в низовьях этой крупнейшей в бассейне Белого моря реки, где известны крупные выходы кремня на дневную поверхность, располагались мастерские, где древними людьми было налажено для обмена производство наконечников стрел, нехарактерной для охотничьего метательного вооружения формы. Подобные наконечники из-за их хрупкости и очевидной сложности изготовления, видимо, могли использоваться в основном как своего рода парадное вооружение, подчеркивающее высокий статус его владельца (Жульников, 2022б, с. 12–13). После смерти обладателя престижных изделий, статусные наконечники стрел, видимо, становились важным атрибутом погребального инвентаря.

Кирковидное навершие из предполагаемого погребения Видостров IV (рис. 10: 15) можно отнести к разряду скипетров (Жульников, 2012), свидетельствующих об особом социальном статусе их владельцев (военный предводитель, вождь и т. п.).

Исчезновение из погребального инвентаря в середине IV тыс. до н. э. местных типов украшений из камня (подвески и кольца), по-видимому, связано с началом массово-

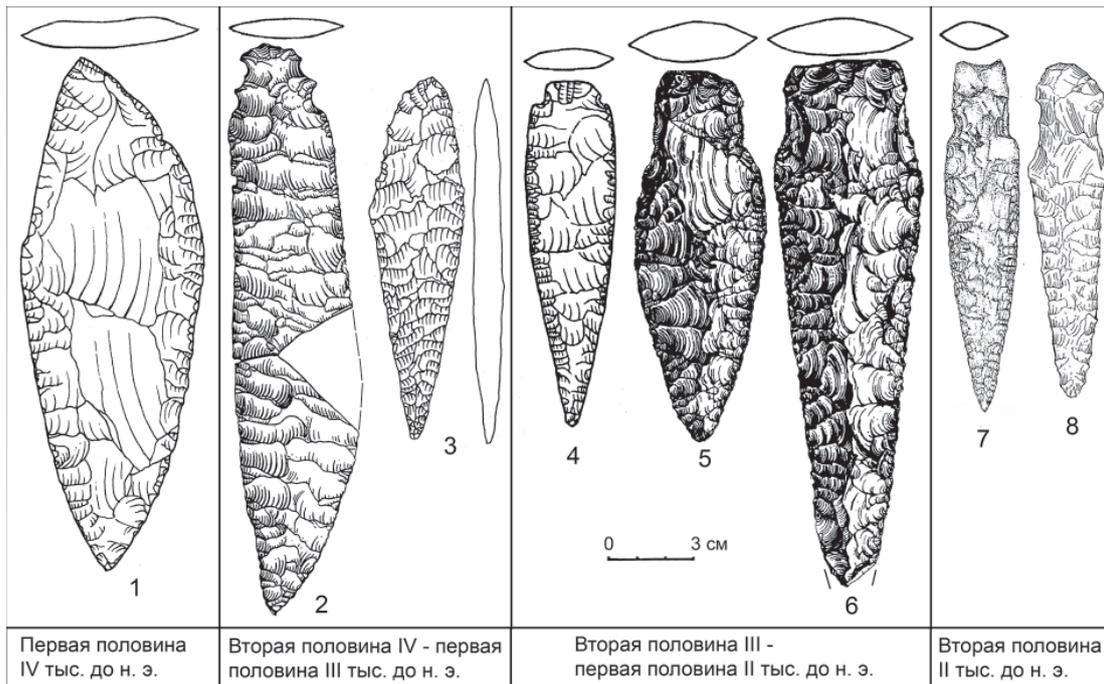

Рис. 9. Кремневые кинжалы из погребений финала неолита – эпохи бронзы бассейна Белого моря и сопредельных регионов. 1 – Путкинская I; 2 – Ильинский Остров; 3 – Вис II; 4 – Видостров IV; 5, 6 – Песконец; 7, 8 – Кольский Оленеостровский могильник.

Fig. 9. Flint daggers from the burials of the Final Neolithic – Bronze Age in the White Sea basin and adjacent regions. 1 – Putkinskaya I; 2 – Ilyinsky Ostrov; 3 – Vis II; 4 – Vidostrov IV; 5, 6 – Peskonets; 7, 8 – Kola Oleneostrovsky burial ground.

го притока в Прибеломорье прибалтийских янтарных украшений. Наибольшее разнообразие типов янтарных украшений наблюдается в могильниках, датируемых первой половиной IV тыс. до н. э. Отсутствие янтарных украшений в погребениях финала энеолита Прибеломорья является, на мой взгляд, одним из последствий миграции во второй четверти III тыс. до н. э. в восточную часть бассейна Балтийского моря племен со шнуровой керамикой (Nordqvist, Näkälä, 2014).

Некоторые куски горной породы и минералы в погребениях энеолита – бронзы региона исследований не имеют явного практического применения (Соловецкая-13 – белемнит (рис. 5: 4); КОМ – слюда, железняк, слоистый минерал, кусочки пемзы и т. д.). Они могут рассматриваться как свидетельства символической деятельности древнего человека, связанной с совершением погребального ритуала.

Обнаружение в некоторых погребениях финала энеолита – эпохи бронзы фрагментов керамики или частей сосудов может быть обусловлено постепенным распространением в северные регионы Европы некоторых «южных» погребальных традиций - из обла-

стей, занятых группами населения с производящей экономикой.

Поскольку инвентарь большинства энеолитических погребений региона исследований состоит из изделий «импортного» происхождения, то вряд ли возможно его использование для реконструкции этнических процессов, происходивших в это время в Прибеломорье. Скорее всего, изделия, включаемые энеолитическим населением бассейна Белого моря в состав погребального инвентаря, имели особое значение при жизни их владельцев. Производство некоторых подобных изделий, явно подчеркивающих социальный статус их обладателей, могло являться важной составной частью так называемой «престижной» экономики, разнообразные признаки сложения которой фиксируются на ряде энеолитических памятников Северной Европы (Жульников, Тарасов, 2021). Появление в погребальном инвентаре «парадного» вооружения в виде кремневых кинжалов и сильно удлиненных наконечников стрел, многочисленных янтарных прибалтийских украшений можно рассматривать как один из косвенных признаков усложнения в энеолите соци-

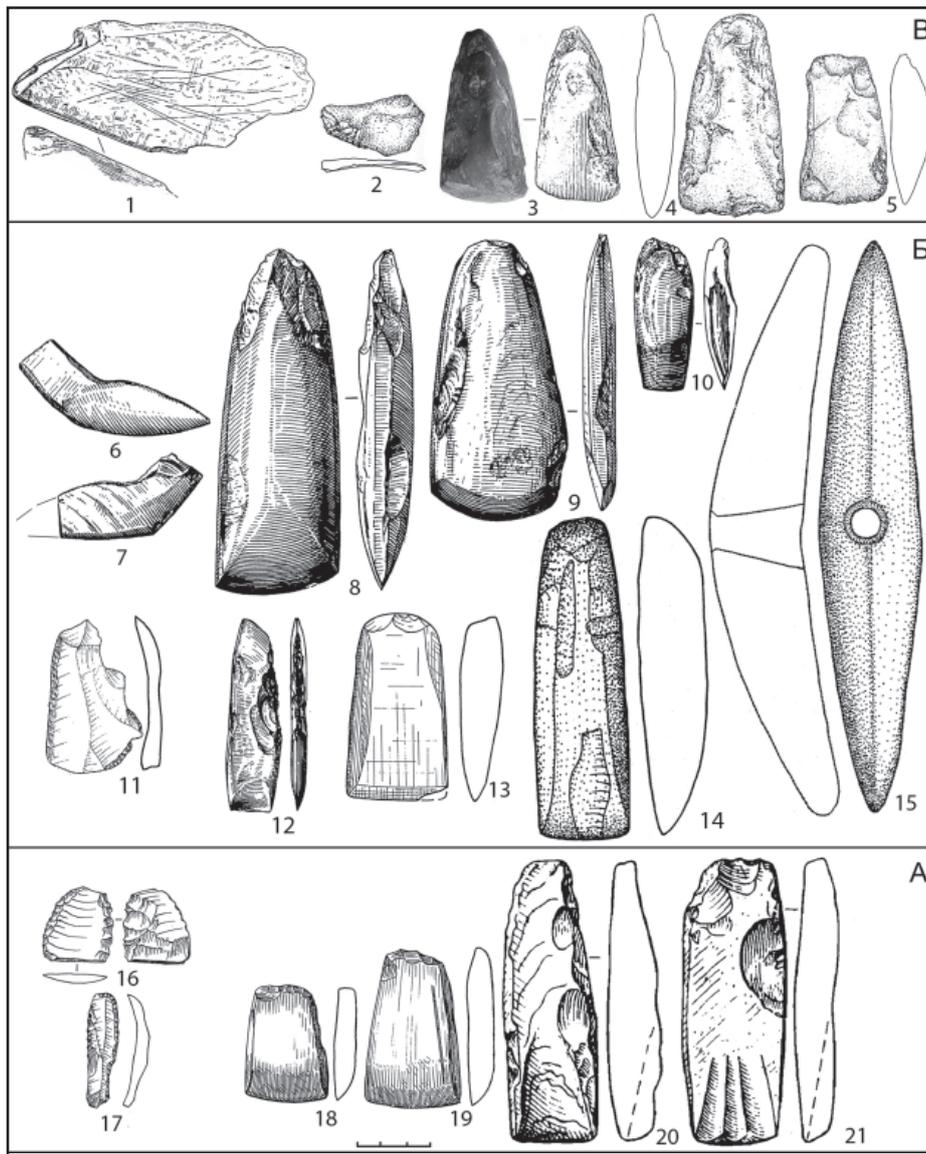

Рис. 10. Рубящие орудия, ножи и навершие из погребений финала неолита – эпохи бронзы бассейна Белого моря и сопредельных регионов. А – могильники конца V – первой половины IV тыс. до н. э.; Б – могильники второй половины IV – первой половины II тыс. до н. э.; В – могильники второй половины II тыс. до н. э. 1–11, 13–14, 18–21 – сланец; 12, 17 – кремень; 15 – кварцит (?); 16 – лидит. 1–5 – Кольский Оленеостровский могильник; 6–11 – Песконец; 12 – Тудозеро VI, погребение 3; 13 – Соловецкая-13; 14, 15 – Видостров IV; 16 – Букольников 1; 17–19 – Бревенный; 20, 21 – Нива X.

Fig. 10. Cutting tools, knives and end-piece from the burials of the Final Neolithic – the Bronze Age in the White Sea basin and adjacent regions. A – burial grounds of the end of V – the first half of IV millennium BC; Б – burial grounds of the second half of IV – the first half of II millennium BC; В – burial grounds of the second half of II millennium BC. 1–11, 13–14, 18–21 – slate; 12, 17 – flint; 15 – quartzite (?); 16 – lyddite. 1–5 – Kola Oleneostrovsky burial ground; 6–11 – Peskonets; 12 – Tudozero VI, burial 3; 13 – Solovetskaya-13; 14, 15 – Vidostrov IV; 16 – Bukolnikov 1; 17–19 – Brevenniy; 20–21 – Niva X.

альной структуры общества, качественного расширения связей населения Прибеломорья с соседними племенами, сложения новой для региона формы обмена, ориентированного на получение статусных или престижных орудий и украшений.

ЛИТЕРАТУРА

Андрианова Л.С. Охристые пятна Боровиковского археологического комплекса // Эволюция неолитических культур Восточной Европы (Санкт-Петербург, 15-17 мая, 2019) / Отв. ред. А.А. Выборнов, Е.В. Долбунова, Е.М. Колпаков, Е.С. Ткач. СПб.: ООО «Порто-Принт», 2019. С. 13–14.

Андреанова Л.С., Васильева Н.Б. Экспериментально-трассологическое изучение «шлифовальной мастерской» поселения Боровиково-А // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 4. Т. 2. С. 38-43.

Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере Европейской части СССР / МИА. № 20 / Отв. ред. М.Е. Фосс. М.; Л.: АН СССР, 1951. С. 7-76.

Брюсов А.Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области / Ред. А.Я. Брюсов. Вологда: Вологодский областной краеведческий музей, 1961. С. 72-162.

Буров Г.М. Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 200 с.

Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Палеолит и неолит СССР. Т. 2 / МИА. № 39 / Ред. А.П. Окладников. М.-Л.: АН СССР, 1953. С. 347-407.

Гурина Н.Н. О связях древнего населения Кольского полуострова (по материалам погребения в бухте Большой Песконец) // СА. 1986. № 3. С. 85-94.

Гусенцова Т.М. Янтарные украшения эпох неолита - раннего металла с памятников Охта 1 (Санкт-Петербург), Подолье 1, Подолье 3 (Южное Приладожье) // Престижная экономика первобытных людей / сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 71-83.

Гусенцова Т.М., Сорокин П.Е. Первый памятник эпох неолита и раннего металла (Охта 1) в Санкт-Петербурге // Мезолит и неолит Восточной Европы: хронология и культурное взаимодействие. / Отв. ред. С.А. Васильев, В.Я. Шумкин. СПб.: ИИМК РАН, МАЭ РАН, 2012. С. 182-199.

Жульников А.М. Энеолит Карелии (памятники с пористой и асбестовой керамикой). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. 224 с.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Жульников А.М. О некоторых особенностях погребального обряда древнего населения Северной Европы в III тыс. до н. э. // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия / сост. С. А. Тихомиров. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 97-103.

Жульников А.М. К вопросу о хронологии и функции скульптурных наверший из камня // История и археология Русского Севера / Гл. ред. А.В. Суворов. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 69-72.

Жульников А.М. О контактах населения с чирковской и асбестовой палайгубской керамикой // Поволжская археология. 2022а. № 3 (41). С. 188-203.

Жульников А.М. Прибалтийские янтарные украшения с энеолитических памятников Карелии // Престижная экономика первобытных людей / сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022б. С. 11-25.

Жульников А.М., Тарасов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков // РА. 2021. № 4. С. 21-34.

Зимина М.П. Каменный век бассейна реки Мсты / Российский этнограф. Вып. 16. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1993. 268 с.

Иванищев А.М. Могильник на Тудозере // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. V / Отв. ред. С.П. Белов. Вологда: Легия, 1996. С. 3-28.

Иванищева М.В. Поселение Тудозеро-V и могильник Тудозеро-VI в Южном Прионежье // Престижная экономика первобытных людей / сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 57-70.

Карманов В.Н. Погребения эпох энеолита и бронзы на Европейском Северо-Востоке России: проблема атрибуции // Поволжская археология. 2020. № 1 (31). С. 81-97.

Козырева И.В. Стоянка Ильинский Остров в Архангельской области // КСИА. Вып. 126 / Отв. ред. И.Т. Кругликова. М.: Наука, 1971. С. 120-126.

Колпаков Е.М., Мурашкин А.И., Хартанович В.И., Шумкин В.Я. Кольский Оленеостровский могильник, 1925-2013. СПб; Вологда: Древности Севера, 2019. 479 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.

Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Мартынов А.Я. Домонастырские древности Соловецкого архипелага. VI тыс. до н. э. – XV век. Архангельск: Лоция, 2022. 400 с.

Мельников И.В. О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников в Заонежье // Престижная экономика первобытных людей / сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 26–40.

Недомолкина Н.Г. Погребения неолита – энеолита с нарушенной анатомической целостностью костяка на поселениях Вёкса 1, Вёкса-3 в бассейне Верхней Сухоны // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле – Белокурихе. Т. 1. / Отв. ред. А.П. Деревянко, А.А. Тишкин. Барнаул: АлтГУ, 2017. С. 159–162.

Недомолкина Н. Г. Янтарные украшения эпохи камня с археологических памятников Вологодской области // Престижная экономика первобытных людей сост. А.М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 41–56.

Недомолкина Н.Г., Никитинский И.Ф. Могильник поселения Вёкса (предварительное сообщение) // Древности Русского Севера. 1996. Вып. 1. С. 88–93.

Ошибкина С.В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 230 с.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Часть 2. Неолит. Л.: Наука, 1978. 163 с.

Песонен П.Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нива // СА. 1977. № 1. С. 126–138.

Песонен П.Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Ред. Ю.А. Савватеев. Петрозаводск: Карельский филиал АН СССР, 1980. С. 37–79.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Выг. Часть 2. Стоянки. Л.: Наука, 1977. 328 с.

Титов Ю.В. Раскопки в Калевальском, Медвежьегорском и Пряжинском районах Карельской АССР // АО – 1967 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 5–6.

Уткин А.В., Костылева Е.Л. Погребения на стоянке Каравайха // РА. 2001. № 3. С. 55–66.

Шмидт А.В. Древний могильник на Кольском заливе // Кольский сборник: труды антрополого-этнографического отряда Кольской экспедиции / Материалы комиссии экспедиционных исследований. Вып. 23 / Ред. Д.А. Золотарев. Л.: АН СССР, 1930. С. 119–169.

Ahola M. *Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC)*. Helsinki: University of Helsinki, 2019. 105 p.

Nordqvist K., Häkälä P. Distribution of Corded Ware in the areas north of Gulf of Finland: an update // Estonian Journal of Archaeology. 2014. Vol. 18 (1). P. 3–29.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

REFERENCES

Andrianova, L. S. 2019. In Vybornov, A. A., Dolbunova, E. V., Kolpakov, E. M., Tkach, E. S. (eds.). *Evolutsiia neoliticheskikh kul'tur Vostochnoi Evropy* (Evolution of the Neolithic Cultures of Eastern Europe (Saint Petersburg, 15–17. 05. 2019). Saint Petersburg: "Pronto-Print" Publ., 13–14 (in Russian).

Andrianova, L.S., Vasil'eva N.B. 2013. In *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* (Bulletin of the Cherepovets State University) Vol. 2, No. 4, 38–43 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1951. In Foss, M. E. (ed.). *Poseleniya epokhi neolita i rannego metalla na severe Evropeyskoy chasti SSSR* (Settlements of the Neolithic and Early metal period in the north of the European part of the USSR). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 20. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 7–76 (in Russian).

Bryusov, A. Ya. 1961. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Sbornik po arkheologii Vologodskoy oblasti* (Collection of papers on archaeology of the Vologda region). Vologda: Vologda Regional Museum of Local Lore, 72–162 (in Russian).

Burov, G. M. 1965. *Vychegodskiy kray. Ocherki drevney istorii* (Vycheгда River Area. Essays on Ancient History). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gurina, N. N. 1953. In Boriskovskii, P. I. (ed.). *Paleolit i neolit SSSR. (Paleolithic and Neolithic of USSR)* Vol. 2. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Studies in the USSR Archaeology) 39. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 347–407 (in Russian).

Gurina, N. N. 1986. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (3), 85–94 (in Russian).

Gusentsova, T. M. 2022. In Zhul'nikov, A. M., et al (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestigious economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 71–83 (in Russian).

Gusentsova, T. M., Sorokin, P. E. 2012. In Vasil'ev, S. A., Shumkin, V. Ya. (eds.) *Mezolit i neolit Vostochnoi Evropy: khronologiia i kul'turnoe vzaimodeistvie (Mesolithic And Neolithic of Eastern Europe: Chronology And Culture Interaction)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, 182–199 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 1999. *Eneolit Karelii (pamyatniki s poristoy i asbestovoy keramikoy) (Eneolithic of Karelia (sites with porous and asbestos ceramics))*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2005. *Poseleniia epokhi rannego metalla Iugo-Zapadnogo Pribelomor'ia (Settlements of the Early Metal Age of the South-Western White Sea Region)*. Petrozavodsk: "Paritet: Publ. (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2007. In Tikhomirov, S. A. (ed.). *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya (Russian culture of the new century: Issues of studying, preserving and using the historical and cultural heritage)*. Vologda: "Knizhnoe nasledie" Publ., 97–103 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2012. In Suvorov, A. V. (ed.-in-chief). *Istoriya i arkheologiya Russkogo Severa (History and archaeology of the Russian North)*. Vologda: "Drevnosti Severa" Publ., 69–72 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2022a. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 41 (3), 188–203 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2022b. In Zhul'nikov, A. M., et al (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestigious economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 11–25 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Tarasov, A. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiia (Russian Archaeology)* (4), 21–34 (in Russian).

Zimina, M. P. 1993. *Kamennyi vek basseyna reki Msty (Stone Age of the Msta river basin)*. Series: Rossiyskiy etnograf (Russian ethnographer). 16. Moscow: N. N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ivanishchev, A. M. 1996. In Belov, S. P. (ed.). *Izvestiya Vologodskogo obshchestva izucheniya Severnogo kraya (Bulletin of the Vologda Society for Northern Territory Studies)* 5. Vologda: "Legiya" Publ., 3–28 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., et al (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestigious economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 57–70 (in Russian).

Karmanov, V.N. 2020. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 31 (1), 81–97 (in Russian).

Kozyreva, I. V. 1971. In Kruglikova, I. V. (ed.). *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii (Brief Communications from the Institute of Archaeology)* 126. Moscow: "Nauka" Publ., 120–126 (In Russian).

Kolpakov, E. M., Murashkin, A. I., Khartanovich, V. I., Shumkin, V. Ya. 2019. *Kol'skiy Oleneostrovskiy mogil'nik, 1925–2013 (Kola Oleneostrovsky burial ground, 1925–2013)*. Saint Petersburg; Vologda: "Drevnosti Severa" Publ. (in Russian).

Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy yazycheskogo miroponimaniya: po sibirskim arkheologo-etnograficheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya: planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neolithic – Eneolithic Burial Grounds on the Upper Volga and the Volga-Oka Interfluvium: Planigraphic and Chronological Structures)*. Moscow: "TAUS" Publ. (in Russian).

Martynov, A. Ya. 2022. *Domonastyrskie drevnosti Solovetskogo arhipelaga. VI tys. do n. e. – XV vek. (Pre-monastic antiquities of the Solovetsky archipelago. VI millennium BC – XV century)*. Arkhangel'sk: "Lotsiya" Publ. (In Russian).

Mel'nikov, I. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., et al (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestigious economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 26–40 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2017. In Derevyanko, A. P., Tishkin, A. A. (eds.). *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkeologicheskogo s'ezda v Barnaule – Belokurikhe (Proceedings of the 5th (21st) All-Russian Archaeological Congress)*. 1. Barnaul: Altai State University, 159–162 (in Russian).

Nedomolkina, N. G. 2022. In Zhul'nikov, A. M., et al (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Prestigious economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 41–56 (in Russian).

Nedomolkina, N.G., Nikitinskij, I.F. 1996. In *Drevnosti Russkogo Severa. Antiquities of the Russian North*. 1. Vologda: NPZ «Klio» Publ., 88-93 (in Russian).

Oshibkina, S. V. 1978. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya (Neolithic of the Eastern Onega Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pankrushev, G. A. 1978. *Mezolit i neolit Karelii. Chast' 2. Neolit (Mesolithic and Neolithic Karelia. Part 2. Neolithic)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).

Pesonen, P. E. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 126–138 (in Russian).

Pesonen, P. E. 1980. In Savvateev, Yu. A. (eds.). *Novye arkeologicheskie pamyatniki Karelii i Kol'skogo poluostrova (New archaeological sites of Karelia and the Kola Peninsula)*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the USSR Academy of Sciences, 37–79 (in Russian).

Savvateev, Yu. A. 1977. *Zalavruga. Arkheologicheskie pamyatniki nizov'ya reki Vyg. Chast' 2. Stoyanki (Zalavruga. Archaeological sites of Lower Vyg River. Part two. Sites)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (In Russian).

Titov, Yu. V. 1968. 1968. In Rybakov, B. A. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiia. 1967 (Archaeological discoveries in 1967)*. Moscow: "Nauka" Publ., 5–6 (in Russian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 2001. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 55–66 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1930. In Zolotarev, D. A. (ed.). *Kol'skiy sbornik: trudy antropologo-etnograficheskogo otryada Kol'skoy ekspeditsii (Kola Collection of papers: Proceedings of the anthropological and ethnographic team of the Kola Expedition)*. Series: Materialy komissii ekspeditsionnykh issledovaniy (Materials of the Commission for Expeditionary Research). 23. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 119–169 (in Russian).

Ahola, M. 2019. *Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC)*. Helsinki: University of Helsinki Publ.

Nordqvist, K., Häkälä, P. 2014. In *Estonian Journal of Archaeology*. Vol. 18 (1), 3–29 (in English).

About the Author:

Zhul'nikov Aleksandr M. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Petrozavodsk State University, 185910, Lenina St., 33, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 01.06.2023 г.
Статья принята к публикации 01.08.2023 г.